Олаф Брок

Диктатура пролетариата

Олаф Брок
Диктатура пролетариата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65222877
Диктатура пролетариата: Из-во им. Сабашниковых; Москва; 2018
ISBN 978-5-82420-168-8

Аннотация

Первый профессор славянских языков Университета Осло Олаф Брок (Olaf Broch, 1867–1961), известный специалист в области диалектной фонетики, в начале лета 1923 года совершил поездку в Москву и Петроград. Олаф Брок хотел познакомиться с реальной ситуацией в советской России после революции и гражданской войны, особенно с условиями жизни интеллигенции при новом режиме. Свои впечатления он описал в книге «Диктатура пролетариата», вышедшей в Осло осенью 1923 года. В 1924 году эта книга была переиздана в сокращенном варианте, предназначенном для народных библиотек Норвегии.

Вскоре вышли в свет переводы на шведский и французский языки. Был сделан, но так и не опубликован перевод на английский язык. Ни на один славянский язык книга переведена не была.

В настоящем издании «Диктатура пролетариата» впервые публикуется на русском языке. Также впервые в приложении публикуется перевод на русский «Путевых заметок» Олафа

Брока, написанных им во время поездки в Россию по приглашению Императорской Академии Наук в 1902 году.

Переводы на русский язык были выполнены в Представительстве Университета Осло в Санкт-Петербурге.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Подарок к юбилею 6
«Возмутительный поступок профессора Брока» 11
Олаф Брок и его книга «Диктатура пролетариата» 31
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Олаф Брок
Диктатура пролетариата

© Издательство им. Сабашниковых, 2018
© Т.П. Лённгрен, сост., вст. статья, 2018
© К.А. Миклебуст, вст. статья, 2018
© С. Д. Нечаева, перевод, 2018
© Д. В. Яковлева, перевод, 2018

* * *

Подарок к юбилею

В 2017 году исполнилось 150 лет со дня рождения первого профессора славянских языков Университета Осло Олафа Брока (1867–1961). В ходе подготовки юбилейных мероприятий Представительством Университета Осло в Санкт-Петербурге было запланировано проведение четырех юбилейных семинаров (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Львов) и перевод на русский язык книги «Диктатура пролетариата», написанной норвежским славистом в 1923 году. В профессиональных кругах идея перевода была воспринята положительно и с большим энтузиазмом.

28 мая 2018 года Представительству Университета Осло в Санкт-Петербурге исполнилось двадцать лет: именно в этот день в 1998 году Его величество король Норвегии Харальд V торжественно открыл в северной столице Норвежский университетский центр[1], который был учрежден и финансировался четырьмя норвежскими университетами: Осло (UiO), Берген (UiB), Тронхейм (NTNU) и Тромсё (UiT).

В течение двадцати лет Норвежский центр работал очень плодотворно и его деятельность, направленная на развитие российско-норвежских отношений в области науки, культуры и образования, принесла прекрасные результаты. За эти

[1] Так официально называлось Представительство до 2009 года.

годы было налажено сотрудничество во многих областях науки. Благодаря деятельности центра, сейчас ведутся исследования в рамках совместных российско-норвежских проектов по проблемам истории, культуры, языка, литературы, физики, математики, географии, геологии, юриспруденции, политологии, религиоведения, Арктики, океанологии, микробиологии, медицины и т. д.

За прошедшие двадцать лет наш центр стал поистине плацдармом современной науки: в конференциях, симпозиумах, семинарах, круглых столах, организованных и проведенных в нашем центре, приняло участие более шести тысяч ученых: к академической элите России и Норвегии присоединились ученые из Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Италии, Франции, США, Болгарии, Латвии, Литвы, Эстонии, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Казахстана и других государств. Таким образом наш маленький норвежский островок в северной столице превратился в популярное и востребованное место международных встреч для научных дискуссий исследователей из разных стран.

Но не только для ученых были распахнуты двери нашего центра. За двадцать лет работы здесь было организовано множество курсов разных уровней и направлений, на которых более двух тысяч норвежских студентов получили возможность не только слушать лекции блестящих русских преподавателей по русскому языку, культуре, литературе, истории, политологии, но и подружиться со студентами россий-

ских вузов, познакомиться с российской действительностью, укладом жизни, русским гостеприимством.

За двадцать лет усердной работы по развитию российско-норвежских научных связей география нашего сотрудничества далеко перешагнула границы столичных университетов и научно-исследовательских институтов: среди наших партнеров были представители не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и Хабаровска, Владивостока, Якутска, Казани, Тюмени, Томска, Петрозаводска, Пскова, Мурманска, Архангельска и других городов необъятной России. Особенно активно в последние годы на базе Представительства развивалось российско-норвежское сотрудничество в области медицины, о чем свидетельствует как плодотворная работа медиков в совместных перспективных исследовательских проектах, так и совместные публикации результатов в престижных мировых научных журналах.

Однако свой юбилей Представительство отметило совсем не так, как было запланировано. Весной 2018 года норвежская сторона приняла решение о ликвидации Представительства, поскольку российские власти сделали невозможным дальнейшее его функционирование.

Но юбилей есть юбилей: к этому дню был не только завершен перевод книги выдающегося норвежского слависта, но и получено согласие издательства на ее публикацию. Трудно отрицать, что перевод осуществлялся в напряженных изматывающих условиях, которые вряд ли можно назвать благо-

приятными для работы. Однако, работая в такой обстановке, нас не покидало чувство, что мы делаем нужное дело, ведь книга Олафа Брока, написанная без малого сто лет назад, остается крайне актуальной, поскольку в ней описывается катастрофическое положение в молодой советской стране, и в этом описании абсурда и хаоса с фотографической точностью отражается действительность нашего сегодняшнего дня.

Одним из многочисленных примеров абсурда дня сегодняшнего является сам факт ликвидации Представительства, в течение долгих лет являвшего международному научному сообществу блестящие результаты в развитии российско-норвежского академического сотрудничества. Однако, при всей абсурдности случившегося, отрадно то, что даже после ликвидации Представительства не исчезнут его следы, оставленные в России за двадцать лет самоотверженной работы: надежные российско-норвежские научные связи, прочные контакты, налаженное сотрудничество в разных областях науки.

Несмотря на весь абсурд произошедшего, вселяет надежду и придает сил осознание того, что никому никогда не удастся ни под каким абсурдным предлогом отобрать у нас самую большую ценность, которую мы увозим с собой из России в Норвегию, – нашу непоколебимую веру в торжество справедливости и добрые человеческие отношения. Именно то, во что всегда верил и передал нам эту веру в наследство

норвежский славист Олаф Брок.

Благодаря высокому профессионализму, стойкости, усердному труду и стараниям сотрудников Представительства Университета Осло в Санкт-Петербурге в этот чрезвычайно трудный юбилейный год перевод на русский язык книги Олафа Брока «Диктатура пролетариата» стал реальностью. Завершая нашу деятельность в России, мы с благодарностью оставляем русским читателям наш подарок в честь юбилея.

20 июня 2018

Профессор Т. П. Лённгрен

Директор Представительства Университета Осло в Санкт-Петербурге

«Возмутительный поступок профессора Брока» О книге Олафа Брока «Диктатура пролетариата»

Первый норвежский профессор славянских языков Олаф Брок, известный в научном мире прежде всего как специалист в области диалектной фонетики славянских языков, занимался не только изучением русского языка и его говоров, но и постоянно проявлял большой интерес к жизни его носителей, истории и политическому устройству соседнего государства. О том, что норвежский славист мог талантливо и плодотворно сочетать сбор материала в диалектологических экспедициях с художественно-публицистическим описанием политической, экономической и культурной жизни России, могут свидетельствовать одиннадцать его путевых заметок «Fra Russland» (Из России), опубликованных в 1902 году в норвежской газете «Aftenposten».[2]

Постоянный живой интерес Брока к событиям в России прослеживается и в его многолетней переписке с другом и коллегой, известным русским академиком Алексеем Алек-

---

[2] Путевые заметки в переводе на русский язык впервые публикуются в приложении к этой книге.

сандровичем Шахматовым (1864–1920). После прекращения диалектологических экспедиций на территории распространения русских говоров и смерти А. А. Шахматова интерес норвежского слависта к России не угас, а сострадание к судьбе ее народа осталось искренним и безграничным навсегда. По этому поводу друг профессора Брока дипломат-невозвращенец К. Н. Гулькевич в одном из своих писем заметил: «Остается только умилиться Вашей неизменной любви к России. Вы только и живете мыслью помочь ей. Если бы таких друзей у нее было больше…»[3]. Но, как известно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным: искренние чувства норвежского профессора к судьбе русского народа, его гражданская позиция, неравнодушие и критическое отношение к происходящему в советской России были «по достоинству» оценены советскими правителями, а в качестве «благодарности» они не без удовольствия показательно «высекли» строптивого норвежца за его «книгу-пасквиль» «Proletariates dikratur. Set og tenkt fra forsommeren 1923» (Диктатура пролетариата. Увиденное и осмысленное в начале лета 1923). Материалом для этой книги послужили впечатления Олафа Брока от поездки в Москву и Петроград в 1923 году.

По окончании этой поездки, как и в 1902 году, норвежский профессор хотел опубликовать серию газетных статей о своем пребывании в обеих столицах советской России. Но

---

[3] Из письма К. М. Гулькевича к О. Броку от 29.8.1919: NB, Brevs. 337.

по совету друга-дипломата, предупреждавшего о возможной опасности публикации газетных статей, он в рекордные сроки написал и опубликовал книгу «Диктатура пролетариата». В этой книге, следуя предостережению все того же опытного друга, Брок крайне редко упоминал имена своих русских коллег, знакомых и друзей, умалчивал о местах их работы, ограничиваясь расплывчатыми определениями вроде «один провинциальный университет» или «один ведущий юрист».

Через год, т. е. в 1924 году, эта книга была переиздана под тем же названием, но в сокращенном варианте, предназначенном для народных библиотек. Именно этот сокращенный вариант по инициативе самого автора был разослан по школьным библиотекам Норвегии. Впечатления Брока от советской России были настолько обличительными, что заставили заволноваться и принять срочные меры советского полпреда в Норвегии А. М. Коллонтай [Lonngren 2015: 44–45]. По этому поводу Коллонтай оставила в своем дневнике такую запись:

«Была, но будто удалилась неприятность местного характера из-за профессора здешнего университета по славянским языкам Брока. Он съездил в Ленинград, повидал там, очевидно, брюзжашую публику старых профессоров и, вернувшись, написал пасквильную книгу о Советской России. Этого мало: он разослал ее по ряду средних школ Норвегии, о чем я узнала через моих друзей из «Арбейдербладет». Чтобы заклеймить этот возмутительный поступок профессора

Брока, «Арбейдербладет» (по уговору с моей приятельницей Рекель Грепп[4]) послал корреспондента к Эсмарку. […] Эсмарк ответил, что норвежское правительство тут ни при чем, что книга разослана по частной инициативе профессора Брока. Но что МИД выражает свое искреннее сожаление по поводу такого нетактичного поступка по отношению к дружественной стране. Правая печать, особенно «Афтонпостен», напустилась на Эсмарка, требовала чуть ли не его ухода за «покровительство» большевизму. […] Послали письмо Эсмарку, в котором выражаем свое сожаление за неприятности, причиненные книгой Брока.

Вышло лучше, тактичнее, что в министерство иностранных дел обратились с протестом не мы, а «Арбейдербладет». Книга будет изъята из школьных библиотек». [Коллонтай 2001: 209].

Действительно, «благодаря» бдительности и активной деятельности большевички-дипломата книга Брока из школьных библиотек Норвегии была изъята, но для автора книги неприятные последствия этим не ограничились, а наоборот, бумерангом отразились в обрушившемся потоке неожиданных проблем в связи с его планами посетить Россию. Дело в том, что ровно через год после норвежской интриги Коллонтай, успешно для нее закончившейся изъятием из

---

[4] Rachel Catharina Helland Grepp (1879–1961), журналист и политик. В 1922-49 годах работала в газете Arbei-derbladet. Близкая подруга А. М. Коллон- тай во время ее пребывания в Норвегии.

обращения «книги-пасквиля», неугодный советам строптивый норвежский профессор был избран представителем от Академии Наук Норвегии на общегосударственный праздник 200-летнего юбилея РАН, отмечавшийся 5-14 сентября 1925 года. К этому юбилею большевики готовились основательно. В Санкт-Петербурге в филиале архива Российской Академии Наук, среди документов Комиссии по празднованию 200-летнего юбилея Академии Наук хранится письмо Олафа Брока непременному секретарю академии С. Ф. Ольденбургу, в котором норвежец сообщил о своих планах принять участие в юбилее РАН [СПФАРАН, ф. 12, оп. 1, д. 8, л. 27]. Узнав об этих планах Брока, Коллонтай немедленно начала организовывать новую кампанию против норвежского ученого. И в организации очередной травли она не была одинока: большую помощь и поддержку оказал советскому полпреду ее прямой начальник прагматичный М. М. Литвинов.

Но о том, что приезд Брока вызвал такое бурное негодование в Наркомате иностранных дел, ни Ольденбург, которому адресовал свое письмо Брок, ни другие члены юбилейной комиссии не знали и в плановом порядке готовили документы для приезда профессора Брока вместе с супругой. Из Кремля было получено согласие на приезд супругов Брок, о чем свидетельствует отметка на уже упомянутом выше письме Академии Наук Норвегии: «Согласие с женой. Канцелярия № 1802, 17.6.1925». Но несмотря на согласие Кремля,

советские дипломаты сделали все возможное и невозможное, чтобы не допустить нового приезда норвежского ученого в СССР. Как следует из дневника жены С. Ф. Ольденбурга, ее муж был втянут в интригу, ничего об этом не зная и не подозревая: в «Вечерней газете» было сфабриковано его интервью с журналистом по поводу приезда Брока, в котором Ольденбург высказался против приезда этого белогвардейского профессора, потому что его приезд будет неприятен общественным сферам СССР.[5]

Узнав об этой сфабрикованной публикации, Брок сам публично отказался присутствовать на «политическом празднике». Как стало известно из недавно исследованных архивных документов, норвежский профессор стал единственной жертвой проверки НКИД, которому не простили критичных отзывов об СССР в его книге. «Дело Брока» стало испытанием большевистской методики «отказа», которая впоследствии постоянно находилась в арсенале советской власти. [Сорокина 2002: 135; Lonngren 2015: 46–47].

Как известно, в первые послереволюционные годы несколько видных западных писателей, историков, политических деятелей, ученых посетили советскую Россию и оставили свои воспоминания, но ни одно из них не было воспринято советской верхушкой так враждебно-настороженно, как «книга-пасквиль» норвежского слависта. Причина тако-

---

[5] Из дневника Е. Г. Ольденбург. Источник. 1999, № 6, с. 28–41: запись от 2.9.1925.

го отношения к этой книге раскрывается самим автором уже в предисловии: «О советской России написано много. Я читал из этого лишь малую часть, и буду вынужден прибегнуть к прямой критике. Но не буду отрицать, что после лично увиденного мною в России, различные печатные высказывания наводят на мысль о том, что их авторы – сборище ослепленных фанатиков-коммунистов, посещающих Россию по партийным делам, легковерных путешественников, которых легко водить за нос, посторонних наблюдателей, не имеющих собственного представления о дореволюционной России и, следовательно, ориентиров для сопоставления, а также без знания языка и наличия того опыта личного соприкосновения со страной, который необходим, чтобы пробиться через скорлупу теории и броню броненосца «Потемкина» к самой сути гротескной, пустой, неприкрытой действительности».[6]

Поскольку сам Брок обладал всеми перечисленными качествами независимого наблюдателя, он считал своим долгом дать объективный анализ фактов, который был под силу только человеку, свободному и независимому в своих убеждениях. Брок считал, что приводимые им факты «представляют собой лишь крошечные осколки огромной и пестрой мозаики; но не требуется чересчур богатой фантазии, чтобы достроить картину. Гораздо сложнее подобрать краски, способные отразить хотя бы малую толику того сострадания

[6] Здесь и далее цитаты приводятся по настоящему изданию.

и того праведного гнева, которые должны зародиться в простой человеческой душе при виде происходящих в России событий».

Главной темой книги Брок считал отражение отдельных сторон жизни интеллектуальных кругов России, главным образом Москвы и Петрограда. Однако уже из перечисления глав следует, что содержание книги значительно шире, глубже, а центр тяжести уверенно сместился на большевизм, коммунистическую партию, ее идеологию и идеологов, на трагичные результаты, к которым привел «коммунистический эксперимент» за шесть лет существования. На фоне этих трагических событий как бы отдельными штрихами, вскользь отмечены лица и судьбы отдельных ученых, юристов, врачей, студентов, крестьян, ремесленников, случайных и незнакомых людей.

Книга состоит из предисловия и тринадцати глав. В первых четырех главах представлен критический анализ идеологии и целей большевизма, коммунистической партии, классовой борьбы и идей создания бесклассового общества. Брок считал, что без понимания духовной сути большевизма невозможно понять происходящее в советской России.

Как известно из переписки Брока с Шахматовым, задолго до поездки в Россию весной 1923 года норвежский славист интересовался работами С. А. Котляревского[7], который счи-

---

[7] Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – русский историк, писатель, правовед, профессор Московского университета, политический деятель.

тал, что социализм является одной из форм религии человечества, которая сейчас рождается. Эти слова Котляревского были одним из исходных пунктов анализа происходящего в советской России, предпринятого Броком. Большевиков Брок сравнивает с «повивальными бабками», участвующими при рождении новой религии. Он отказывается признать партию большевиков с позиций Запада. В западноевропейском понимании «русская коммунистическая партия» не является партией. «Коммунистическая партия – это секта, организованная как идеологическая армия борцов за коммунистическое евангелие, только вооружены они вовсе не проповеднической силой свободного убеждения, а орудиями совсем иного толка. Их источник следует искать в средневековом религиозном фанатизме, который вылился в безумную бойню, истребляющую и доводы здравого смысла, и элементарные нормы морали. Армия секты является тем столпом, на котором зиждется власть Кремля».

Общепринятое в начале прошлого века понимание роли большевиков в ходе истории Брок рассматривает как иллюзию, которая достаточно долго живет и еще не полностью искоренена из сознания наивно верующих, но она пока все еще развевается над воздушным замком русского большевизма подобно потрепанному и выцветшему обрывку флага. Брок понимает, что большевики в роли «повивальных бабок» новой веры не собираются ни отпускать, ни ослаблять свою мертвую хватку, поэтому несчастной России-матушке,

несомненно, придется настроиться на перспективу принужденного смирения с родовыми болями на поколения, прежде чем пригодный на что-либо пролетарский зародыш увидит свет. И слова «диктатура пролетариата» остаются стоять как афиша для этой тиранической пытки.

Следующие три главы посвящены анализу системы судов и судопроизводства. Одним из тяжелейших последствий попыток создания нового бесклассового общества, нового человека Брок считает полное падение морали у правящей верхушки. Он пишет, что как бы ты ни был непритязателен в своих ожиданиях, непременно вздрагиваешь перед той жестокостью, бескомпромиссным тоном, самонадеянностью и отсутствием воспитанности и внешнего «благородства» по отношению к ближнему, которые так часто характеризуют русский коммунизм. Брок-гуманист неоднократно подчеркивает, что жестокость, деспотизм, чванливость, человеконенавистничество, жажда искоренения всего старого, проявление всех самых низменных человеческих инстинктов недоступны для понимания, если человек искренне любит Россию. Он пишет, что рассказы о революции «вызывают ассоциацию с диким экстазом, состоянием «вне себя», когда нормальные ценности, такие как чужая или даже собственная жизнь, уходят на второй план или просто стираются и когда люди – по аналогии с душевнобольным – в беспамятстве крушат предметы или, ослепленные страданием или наслаждением, истребляют все на своем пути. Большевики с

марксистской ловкостью обернули в свою пользу это экстатическое состояние – не психоз, а скорее невроз, как сказал в беседе знаменитый Иван Павлов[8]: «Самые низменные человеческие инстинкты – вот какую черту душевной и эмоциональной жизни они взлелеяли и поставили во главу угла».

Очень редко, но все-таки проступает параллельно с этим перевернутым миром и другая сторона русского человека: при более близком личном знакомстве заградительный щит может получить трещину, и тогда проступает действительная русская натура, обходительная, готовая к услугам, особенно для иностранцев, натура дружественная, полная любви и самопожертвования. О таких людях неоднократно говорилось «коммунист, но человек хороший», или чаще: «нет, не коммунист».

Науке, высший школе, воспитанию и образованию молодого поколения посвящены следующие четыре главы Описывая систему образования, Брок искренне восхищался мужеством русских профессоров дореволюционного поколения, которые были вынуждены работать в тяжелых условиях советских университетов, и ужасался сложившейся обстановкой. Многие из дореволюционных светил науки погибли или бежали, и только единицам удалось выстоять. Крылатой среди русских коллег Брока стала фраза о том, что жизнь уподобилась пребыванию в сумасшедшем доме, когда не зна-

---

[8] Олаф Брок был лично знаком с русским физиологом И.П. Павловым и состоял с ним в переписке [Лённгрен 2015: 91–92].

ешь, что произойдет через неделю. «Изменений в мире вузов столько, что всё это производит впечатление настоящей свистопляски». Постоянно хаотически и бессмысленно менялась система высшего образования, заслуженные профессора, ученые, преподаватели бесцеремонно увольнялись новоиспеченным руководством, а их место занимали угодные системе необразованные бездари. Броку не раз приходилось слышать такие фразы: «На следующей неделе мы не знаем, где, собственно говоря, будем учиться».

Для советской власти армия уволенных преподавателей в своей беспроглядной нищете представляла опасные остатки империалистической и контрреволюционной ереси. Невостребованная новой властью интеллектуальная элита дореволюционной России должна была умереть духовно и, по возможности, физически. Образованные умы необходимо было во что бы то ни стало задушить в большевистских тюрьмах. А если они и оставались по другою сторону решетки, то были заведомо обречены на голодную смерть: без пенсии и возможности получить другую работу, им было запрещено покинуть «райскую жизнь» в стране советов.

Не ускользнула от пристального внимания Брока и система приема в высшие школы, в основе которой была узаконенная система с привилегированным классом пролетарского сословия: «Решение о приёме в вуз принимает своевольная партия, и лицемерное доктринёрство настолько культивируется, что нам, простым смертным, оно представляется

чем-то непостижимым – в частности, если посмотреть на это с точки зрения собственно коммунистического учения. Здесь речь идёт в первую очередь не о способностях. Самое главное – борьба за абсолютную верховную власть «класса», обеспечение привилегированного положения пролетариата, то есть коммунистической секты, работа во имя нового мировоззрения с упором на представление о том, что она может быть осуществлена только теми, кто принадлежит к истокам, истинному, неиспорченному пролетариату. Все остальные заражены опасными буржуазными взглядами, и у них, в лучшем случае, может случиться рецидив. Всем остальным, следовательно, должен быть самым тщательным образом закрыт доступ к высшему образованию, а если возможно – то и к образованию вообще. И здесь нет места ни стыду, ни сентиментальным предрассудкам. Система совершенно ясна».

Брок отмечает, что вся система приема и обучения в высших и даже средних школах функционирует как прекрасно отлаженная система, в которой есть что-то абсолютно сатанинское, что-то дьявольское, как охарактеризовал эту систему один из видных психологов и писателей России в беседе с Броком. Что же касается бесклассового общества и возможного риска, что, получив высшее образование, человек, хотя он и вышел из рядов пролетариата, сможет со временем выделиться и перейти в другой класс, слой новой интеллигенции, Брок пишет: «Если кто-то сомневается, то я попрошу раскрыть брошюру Бухарина, стенограмму его доклада

от февраля 1923 года «Пролетарская революция и культура». Бухарин видит, что пролетарское происхождение не может быть полной гарантией от возможности перехода в другой класс, и этому крайне необходимо препятствовать всеми средствами. Поэтому предлагается проводить приемы в высшие школы только исключительно из пролетарских кругов, и таким образом закрыть путь к высшему образованию детям и внукам тех, кто высшее образование уже имеет.

Последняя глава – это своего рода подведение итогов, которое Брок начинает словами: «Соприкасаясь с жизнью, российский эксперимент не выдерживает этого соприкосновения. Большевики по-прежнему восседают на троне, опираясь на своё «мировоззрение», однако последнее покоится на руинах выдуманного марксистского замка. Эти обломки приводят нас к мысли: быть может, основная ошибка крылась в самом фундаменте замка, который хотели построить Ленин и его товарищи?» В этой главе Брок обращается к самым различным сферам жизни русского общества: экономике, системе банков, налогообложению, культуре и т. д. Именно в этой главе он вкратце касается и вопросов частной собственности, аграрных вопросов, отношения крестьян к существующему строю и праву владения землей. Так, подняв вопросы коллективного и частного права землевладения, Брок, цитируя своего русского друга, приходит к выводу: «Частная земельная собственность по-прежнему считается частной земельной собственностью. Думаете, коммуни-

сты посмеют ее затронуть? Наш крестьянин защищает землю, которую считает законно приобретенной, с вилами и кулаком, своей жизнью». Было очевидно, что крестьянство в целом, не проявляя ни энтузиазма, ни интереса к большевистским идеям, отклонило вмешательство коммунистов. И автор с горечью заключает, что все эти новые активные и интенсивно размножающиеся организации, несмотря на якобы талантливых лидеров, под более пристальным взглядом приходится списать до нулевого уровня.

Уже в предисловии Брок обращает внимание читателей на то, что он свою книгу не адресует лидерам советского государства, поскольку они глухи к открытому и чистосердечному призыву опомниться и одуматься, они не способны услышать голос человека, всем сердцем полюбившего их страну и народ еще в молодости. Автор осознает это и говорит открыто: «Мой голос не прозвучит как громкий клич – он не имеет влияния в тех кругах. Я пишу для других. И, верю, не напрасно».

Как было сказано выше, книга норвежского профессора «Диктатура пролетариата», запечатлевшая его потрясения увиденным в Советской России в начале лета 1923 года, была опубликована осенью того же года. Очень скоро она была переведена на шведский, французский и английский языки. В шведском переводе книга вышла в 1924 году, французский перевод, основанный на издании для народных библиотек, вышел в 1925 году, а вот ее английский перевод так

и остался неизданным. Машинописная рукопись этого перевода, датированная 9 мая 1924 года, хранится в Норвежской Национальной Библиотеке в Осло в архиве Олафа Брока.

Как следует из титульного листа, этот перевод был выполнен в американском университете Йова норвежцем Хеннингом Ларсеном[9].

Несмотря на то, что Олаф Брок был профессором славянских языков с мировым именем, ни на один славянский язык перевод его сенсационной книги сделан не был. «Книга-пасквиль» строптивого норвежца, с которой так яростно сражалась советская посланница Коллонтай, появилась в то время, когда сумерки все плотнее сгущались над советской Россией и уже неумолимо начал опускаться железный занавес, чтобы на долгие десятилетия задавить ростки свободы оргиями диких плясок тоталитарного режима в самой большой славянской стране. Понятно, что в сложившихся политических условиях не могло быть и речи о переводе на любой славянский язык книги, в которой убедительно и аргументировано развенчивался советский режим, то есть тот режим, который эффективно уничтожал хуже любой войны свою страну и свой народ.

Отсутствие перевода хотя бы на один из славянских или на английский язык сделало эту книгу недоступной как

---

[9] Норвежец Хеннинг Ларсен эмигрировал в Америку в 1900-х годах, был лингвистом по специальности и в 1920-х годах занимал должность доцента в университете Йова [Blegen 1969: 559].

для широкого круга читателей, которым она была адресована автором, так и для специалистов, лишенных возможности изучать многогранное творческое наследие норвежского слависта. Особенно остро ощутился недостаток перевода в последнее время, после выхода ряда работ, основанных на ранее не изученных материалах из архива Олафа Брока [Lonngren 2015, 2016; Elstad 2016; Гулькевич 2017, Myklebost 2017]. Поскольку в этих работах наглядно представлена многогранная деятельность норвежского слависта, его талант непревзойденного до сих пор исследователя диалектной фонетики, блестящего переводчика, автора учебников и открывателя языка пиджина «русенорск» виртуозно сочетался с высоким мастерством трибуна, общественного деятеля и дипломата по призванию, у исследователей, не владеющих скандинавскими языками, появился живой интерес к изучению наследия легендарного норвежского слависта. Таким образом, стало очевидным, что назрела необходимость перевода его работ, написанных по-норвежски, и в первую очередь «Диктатуры пролетариата». В 2017 году была предпринята попытка перевода этой книги на русский язык, но успехом она не увенчалась.[10]

Но сейчас перевод на русский язык сделан и опублико-

[10] В апреле 2017 года на юбилейных семинарах в Москве и Санкт-Петербурге профессор эмерита Уппсальского университета Ирина Люсен выступила с докладом «Диктатура пролетариата» Олафа Брока в русском переводе», в котором заявила о своей работе над русским переводом книги, но уже в ноябре того же года сообщила, что ее планы изменились и перевода книги не будет.

ван, благодаря чему голос славянского дипломата из Норвегии будет услышан теми, к кому обращены его слова, идущие из глубины души «постоянного в доброте человека».[11]

Источники:

NB, Olaf Broch, Brevs. 337.

СПФАРАН, ф. 12, оп. 1, д. 8, л. 27.

Литература:

Broch, O. 25.05.1902. “Fra Rusland I” Aftenposten

Broch O. 29.05.1902. “Fra Rusland II” Aftenposten

Broch O. 30.05.1902. “Fra Rusland III” Aftenposten

Broch O. 11.06.1902. “Fra Rusland IV” Aftenposten

Broch O. 17.06.1902. “Fra Rusland V” Aftenposten

Broch, O. 19.07.1902. “Fra Rusland VI” Aftenposten

Broch O. 22.07.1902. “Fra Rusland VII” Aftenposten

Broch O. 23.07.1902. “Fra Rusland VIII” Aftenposten

Broch O. 26.07.1902. “Fra Rusland X” Aftenposten

Broch O. 27.07.1902. “Fra Rusland XI Del 1” Aftenposten

Broch O. 29.07.1902. “Fra Rusland XI Del 2” Aftenposten

Broch O. Proletariatets diktatur. Set og tenkt fra forsommeren 1923. Kristiania, 1923. 195 S.

Broch O. Proletariatets diktatur. Till svenska av Stig Olason. Stockholm, 1924. 233 S.

Broch O. La dictature du proletariat. Traduction de P.-G. Chesnais. I–III. Le Correspondant, Paris, 1925. T. 298, pp. 801–888, T. 299, pp. 99-117, pp. 340–359.

---

[11] Из письма К. М. Гулькевича к О. Броку от 8.1.1920.

Blegen T. C. Norwegian Migration to America: The American Transition. New York 1969. 582 P.

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Том 1. Москва, 2001. 527 С.

Гулькевич К. Н. Письма к Олафу Броку 1916–1923, ред. Карелин, В.А., А.А. Комаров, Й.П. Нильсен, К.А. Миклебуст. Новое литературное обозрение, Москва, 2017. 284 С.

Elstad I. S. Russlandbilder En analyse av Fridtjof Nansens og Olaf Brochs ideer om Russland 1902–1929. Masteroppgave i historie. Universitetet i Troms0 Norges arktiske universitet, 2016.

Лённгрен Т. П. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока. Вестник «Альянс-Археo». Вып. 12. М., СПб.

2015. С. 83–97.

Lonngren T. «… прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов. Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2015. No. 56. P. 37–57.

Lonngren T. Архив профессора Олафа Брока в Норвежской Национальной Библиотеке. Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2016. No. 57. P. 35–47.

Lonngren T. «… полезные указания из далекой Европы»: вклад норвежского слависта 0лафа Брога в подготовку Программы для собирания русских народных говоров 1896. Scando-Slavica. 2016. T. 62:1. P. 7–31.

Lonngren T. «Прошу […] не гневаться моим вопросам»: норвежский профессор Олаф Брок как переводчик (из истории российско-норвежских научных связей). Poljarnyj vestnik. Norwegian Journal of Slavic Studies.

2016. Vol. 19. P. 51–67.

Myklebost, K. A., Мечта о либеральной России. Ottar 1/2017 No. 314. Troms0 Museum, UiT Norges arktiske universitet, Troms0, 2017.

Сорокина, М. Ю. Архивы дипломатических ведомств как источник по социальной истории науки. Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на 4-й Всероссийской конференции 24–25 апреля 2002 г. Москва, 2002. С. 129–135.

Т. П. Лённгрен

Университет Тромсё (UiT) – Арктический Университет Норвегии

Олаф Брок и его книга «Диктатура пролетариата» История написания и резонанс[12]

6 июня 1923 года норвежский профессор-славист Олаф Брок (18671961) получил разрешение посетить недавно созданный и уже скандально известный Институт красной профессуры в Москве. В Москву Брок приехал, чтобы познакомиться с реальной ситуацией в Советской России, где после многих лет потрясений – революции и гражданской войны – постепенно устанавливалась определенная стабильность. Маршрут его поездки ограничивался Петроградом и Москвой; Брока особенно волновали условия жизни интеллигенции при новом режиме. Он с явным интересом ждал встречи с «красной профессурой» – учеными «нового типа», чьей задачей было распространение большевистской идеологии и превращение теории коммунизма в основу экономической и духовной жизни молодой Советской республики. Сразу после визита в Институт Брок записал свои впечатления: «Весьма интересно. Институт – центр коммунистической духовной пропаганды, где будущих преподавателей обучают различным дисциплинам научного «марксиз-

[12] Данная статья является частью биографической книги об Олафе Броке и его многообразных связях с Россией, над которой сейчас работает автор.

ма». В то же время его глубоко встревожило восприятие мира через идеологическую призму, красной нитью проходившее через все утверждения «красных профессоров»: «Все, о чем мы говорили, в том числе все мои ответы на их вопросы о внутренней ситуации в Норвегии, моментально [...] сводилось к проявлениям «классовой борьбы», «экономических условий» и так далее. Мне приходилось отвергать подобные толкования, порой даже довольно жестко, хотя и с юмором. Здесь самым очевидным образом царят фанатическая вера и предвзятые убеждения. Тем не менее я пообещал быть к их услугам в деле обмена литературой».[13]

Краткие заметки Олафа Брока о посещении Института весьма характерны для подхода норвежского профессора к политическим реалиям новой, советской России: он весьма критически относился к усилению идеологического контроля над общественной жизнью при большевистском режиме и сужению пространства для свободных интеллектуальных дискуссий. Тем не менее он – не без усилий – старался выглядеть заинтересованным и готовым к контактам, невзирая на идеологические барьеры, разделившие Советскую Россию и Европу после Октябрьской революции. Архивные материалы о поездке Брока в 1923 году свидетельствуют, что он систематически и добросовестно собирал сведения о новых

[13] Национальная библиотека в Осло (Норвегия) (NB), Brevs. 337, Переписка Олафа Брока. IV Незарегистрированные письма: Москва, 6 июня. Посещение Института Красной Профессуры.

порядках в Советской России, особенно в сфере высшего образования. Так, в Институте красной профессуры Брок подробно записал информацию о критериях приема и организации учебного процесса, а также возможностях установления контактов с научными кругами Запада за счет командирования студентов для учебы за рубеж и обмена литературой.

Вернувшись на родину в июле 1923 года, Брок поделился некоторыми ощущениями от путешествия в письме своему бывшему преподавателю в Венском университете Ватрославу Ягичу: «Поездка была мучительной, раздражающей, я постоянно становился свидетелем психологического террора, которому подвергается интеллигенция. Правовая система, высшее и среднее образование, цензура – все аспекты «интеллектуальной жизни» производят гнетущее, пугающее впечатление. Никто не мог вообразить, что «идея», даже с учетом печально известной склонности русских к логике радикализма, превратит людей в рабов. Этот «марксизм» – одно из самых страшных среди всех ужасающих последствий войны и послевоенных лет».[14] Брок признался, что испытал чувство облегчения, вернувшись домой, но все же он доволен поездкой: во время пребывания в России ему разрешали без помех встречаться с людьми и наблюдать за ситуацией – в результате он сумел повидаться со старыми друзьями и коллегами.

---

[14] NB, Ms. Film 122, Брок – Ягичу 18.07.1923.

Точная цель визита Брока в Советскую Россию весной 1923 года нам неизвестна. В предисловии к своей книге «Диктатура пролетариата. Увиденное и осмысленное в начале лета 1923 года», Брок дает понять, что его задачи не ограничивались наблюдением за условиями жизни россиян, и отмечает, что его интересовала в первую очередь ситуация в интеллектуальной сфере. Есть основания предполагать, что поездка была связана с работой Брока в начале 1920-х годов по оказанию помощи российской интеллигенции и высшим учебным заведениям, страдавшим при новом советском режиме как от материальных лишений, так и от политических репрессий. Кроме того, она стала следствием твердой убежденности Брока в том, что он обязан написать книгу, которая служила бы противовесом целому «букету» путевых заметок социалистов о России, опубликованных в Западной Европе после Октябрьской революции. По мнению Брока, в этих публикациях Советская Россия идеализировалась, и им следовало противопоставить точное и последовательное описание реального положения дел в стране.

Мечта о либеральной России

Критические отзывы Брока о «красной профессуре», да и само его желание побывать в СССР становятся понятнее в свете его биографии, давних личных и научных связей с Россией. В 1900 году Олаф Брок стал первым профессором-сла-

вистом в Университете Кристиании (так тогда назывался Осло), и к 1923 году его считали одним из ведущих норвежских специалистов по России. Помимо нескольких новаторских работ по фонетике славянских диалектов, Брок опубликовал в норвежской прессе большое количество статей о российской культуре, литературе и политических событиях. Большинство из них печатались в ведущей консервативной газете Aftenposten, издававшейся в Кристиании. В этих заметках Брок рассказывал об актуальных политических проблемах тогдашней России, основываясь на информации, получаемой из российской прессы и переписки с русскими друзьями и коллегами. Репутация Брока как эксперта по российским делам во многом была связана с его широкими связями с этой страной: среди знакомых профессора были не только представители научной интеллигенции, но и видные деятели культуры, политики и дипломаты.[15]

Политическая направленность статей Брока о России от-

---

[15] В личном архивном фонде Брока хранится его переписка с широким кругом друзей и знакомых из России. См. К.Н. Гулькевич. Письма к Олафу Броку 1916–1923, ред. В.А. Карелин, А.А. Комаров, Й.П. Нильсен, К.А. Миклебуст. Новое литературное обозрение, Москва 2017; В.А. Карелин, К.А. Мюклебуст, «Профессор Олаф Брок и его русский мир», Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т 8. Выпуск 4 (58); Lonngren, T., «…прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов, Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures, No. 56, 2015, 37–57; Bj0rnflaten, J.I., «Из истории славстики в Норвегии: О переписке иностранных славистов с профессором Олафом Броком», Slavica Litteraria 2012, vol. 15 [Приложение 2], 61–68.

разилась еще в путевых заметках, опубликованных в 1902 году. По убеждениям Брок был либеральным консерватором, он глубоко сочувствовал российскому народу, страдавшему, как он считал, под гнетом царского абсолютизма. Эти взгляды вполне соответствовали общему мнению, превалировавшему тогда в Норвегии и Западной Европе в целом: царская Россия считалась отсталой страной, оплотом деспотизма. В газетных статьях Брок с нескрываемым энтузиазмом оценивал процессы либерализации в России после революции 1905 года. По его мнению, ведущей политической силой в стране стала Конституционно-демократическая партия («кадеты») во главе с Павлом Милюковым – благодаря ее усилиям гигантская империя начала постепенно продвигаться по пути к современному государству западноевропейского типа. Это, как Брок считал, откроет для русского народа эпоху процветания и сблизит Россию с остальными странами Европы. Когда через несколько месяцев царь распустил Первую Думу за «незаконные действия», Брок был возмущен и предрек России народные бунты невиданного доселе масштаба.[16]

Прогнозы Брока оправдались только через десять лет. После отречения царя в феврале 1917 г. кадеты пришли во власть в составе Временного правительства и начали воплощать свою программу, провозгласив конституционную

---

[16] См. Мюклебуст, К.А, «Мечта о либеральной России», Оттар, т. 1/2017: 30–36.

парламентскую республику и наделив всех российских подданных равными гражданскими правами. Броку показалось: долгожданная эпоха либерализма в России вот-вот станет явью. Но уже летом-осенью 1917 года оптимизм в отношении Временного правительства рассеялся на фоне ширящихся в обществе требований о выходе из войны. В самом правительстве мнения по вопросу о военных целях страны разделились. Тем временем популярность большевиков росла, поскольку они были единственной партией, заявившей о готовности немедленно и без всяких условий заключить мир с Германией. Когда же в октябре большевики захватили власть, Россия стала объектом надежд и идеалом для людей, резко отличавшихся от Брока по политическим убеждениям – представителей международного революционного рабочего движения.

Либеральные надежды под угрозой

Для Олафа Брока Октябрьская революция стала сильнейшим ударом по его мечте о либеральной России. Он называл Ленина «великой темной силой нашего времени», а популярность большевиков считал результатом пропаганды и безответственного подстрекательства народа к беспорядкам. Как и многие другие западноевропейские наблюдатели, не разделявшие революционных идей, Брок был уверен, что большевики – явление временное, и скоро они исчезнут с

мировой политической арены так же внезапно, как появились.[17] Пока же он всеми силами старался противостоять большевистскому влиянию и поддерживать российских либералов – как в Европе, так и в самой Советской России.

В последующие годы, когда гражданская война вынуждала людей покидать страну, Норвегия приняла несколько волн русских беженцев. Брок собирал для них деньги, помогал российским эмигрантам в Норвегии найти жилье и обустроиться, и одновременно организовывал публикацию статей русских эмигрантов, разоблачающих программные заявления большевиков.[18] В 1919 году Брок обратился к другому норвежцу – Фритьофу Нансену, незадолго до этого согласившемуся занять пост Верховного комиссара Лиги Наций по репатриации военнопленных (вскоре он станет Верховным комиссаром по делам беженцев). Брок предложил Нансену сотрудничество по гуманитарной помощи Петрограду, и тот с готовностью согласился.[19]

---

[17] См. Myklebost, K.A., «The Russian Revolutions of 1917 and the Norwegian Slavist Olaf Broch», в кн. Myklebost, K.A., J.P. Nielsen and A. Rogatchevski (eds.), The Russian Revolutions of 1917: The Northern Impact and Beyond. Academic Studies Press, Boston 2019 (готовится к печати).

[18] Брок способствовал публикации нескольких статей русских эмигрантов в журнале Samtiden: см. Peter Struve «Bolsjevismen og Rusland», Samtiden 1919; Gulkevitsj «Det russiske problem», Samtiden 1923.

[19] NB, Brevs. 337, Брок – Нансену 23.04.1919; см. также NB, Ms.fol.1988: RUP6, Обращение о помощи голодающим в России (б/д). Реализовать этот проект, однако, оказалось труднее, чем ожидалось – не в последнюю очередь из-за взаимного недоверия между большевиками и правительствами западных стран. См.

Как отмечается в книге Брока в 1923 году, его особенно волновало положение российской интеллигенции. Коллеги Брока в Петрограде и других крупных городах были лишены не только материальных благ, но и возможности вести научную работу в атмосфере свободы слова и дискуссий, без опасения стать жертвой политических репрессий. Через так называемый Финляндский комитет помощи русским ученым во главе с профессором-славистом из Хельсинкского университета Иосифом Юлиусом Микколой Брок сотрудничал с общеевропейским объединением ученых и высших учебных заведений, оказывавшим гуманитарную помощь и моральную поддержку российским интеллектуалам, снабжавшим их научной литературой. Помощь направлялась прежде всего Петроградскому дому ученых, находившемуся под патронажем Максима Горького.[20] Кроме того, Брок призывал Нансена, наряду с помощью военнопленным, беженцам, а с 1921 года – и голодающим в Поволжье, принять участие в работе по облегчению положения российской интеллигенции.[21]

Vogt, C.E., Nansens kamp mot hungersn0den i Russland 1921-23, Aschehoug forlag 2007: 111–115.

[20] NB, Brevs. 337, письма Микколы Броку, 1920–1922; Национальная библиотека Финляндии, коллекция 150, письма Брока Микколе, 1920–1921. См. также Hakkarainen, Jussi-Pekka, «Books and Food for the Precious Brains: Re-establishing the International Scientific Relationships with Russian Scholars through the Relief Programme of Academic Relief Committee of Finland in 19211925», Sociology of Science and Technology, 2012, Volume 3, No. 1, 24–44; Greve, T., Fridtjof Nansen 1905–1930, Gyldendal Norsk Forlag, Oslo 1973: 158–184.

[21] См. NB, Ms.fol.1988: RUS4, Брок – Нансену 07.01.1921; Kj®rheim, S., (red.)

Нансен вновь ответил согласием, и интеллигенция Москвы и Петрограда стала получать гуманитарную помощь. Зимой 1922–1923 года Нансен и Брок старались организовать помощь интеллигентам в российской провинции.

Обратившись к научному сообществу Норвегии, Брок и Нансен убедили его взять под «опеку» Воронежский университет. За зиму Нансену и Броку удалось собрать в Кристиании, Бергене и Тронхейме необходимые средства, на которые по линии Нансеновского комитета и Международного Красного Креста из Норвегии в Воронежский университет были отправлены продовольственные посылки, книги и техническое оборудование, в частности микроскопы.[22] Эта гуманитарная деятельность вызывала неоднозначное отношение в политических кругах, и Нансену – главному организатору европейской помощи России – пришлось столкнуться с резкой критикой как со стороны Запада, так и со стороны советского правительства.[23] Брок несколько раз публично выражал поддержку Нансену, кроме того, они выступали в прессе с совместными обращениями к норвежским властям,

---

Fridtjof Nansen. Brev IV. 1919–1925, Universitetsforlaget 1966: 45: Нансен – Броку 13.01.1921; NB, Brevs. 337, Нансен – Броку 01.02.1921.

[22] См. NB, Brevs. 337, А.Г Яйне – Броку 21.11.1922; 29.11.1922; Фритьоф Нансен просит нас о помощи. Обращение (б/д); Ms.fol 1988: RUS2P, Брок – Яйне 29.11.1922; Ms.fol 1988: RUS2P, Обращение к коллегам по университету, подписанное Броком, декабрь 1922 года; Brevs. 48, Нансен – Броку 21.02.1923; Aftenposten 24.01.1923, nr. 42; NB, Brevs. 337, Яйне – Броку 03.11.1923; Brevs. Ms.fol.1988: RUS2P, Брок – Яйне 04.11.1923.

[23] Greve, T., Fridtjof Nansen, 161–170.

призывая: ради облегчения страданий народа России следует отложить в сторону взаимное недоверие и оскорбления, которыми обменивались западные столицы и Москва.[24]

Противовес «пролетарской литературе»

Поскольку Брок был либеральным консерватором по убеждениям и не раз критиковал большевиков публично, ему вполне могли отказать в визе для поездки в СССР в 1923 году и разрешении посещать различные учреждения. Те не менее визу он получил. Отчасти это, возможно, было связано с рекомендательным письмом, которым Брока перед поездкой снабдил Нансен.[25] Следует отметить, что еще до Брока в Советской России по приглашению большевистских властей побывало несколько делегаций и отдельных представителей Норвежской рабочей партии.[26] Норвежские революционеры отправлялись в Россию с четкой политической целью: воздать хвалу новому большевистскому порядку и поучаствовать в организации международного революционного движения. Подобные визиты были, бесспорно, выгодны

---

[24] Aftenposten 20.07.1921, nr. 337. Cf. also Aftenposten 24.01.1923, nr. 42.

[25] NB, Brevs. 337, Нансен – Броку, 30.04.1923

[26] См… R0nning, O.M., «DnA og Komintern», в кн. Holtsmark, S.G. (red.), Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014, Pax forlag 2015: 141–143; Sundvall, E.W., Gerhardsens valg. Arbeiderpartiets tunge avskjed med Sovjetunionen, Gyldendal norsk forlag 2016: 23–50.

большевистским властям. Каким же будет результат поездки Брока, никто предсказать не мог.

В конечном итоге Брок написал книгу, призванную служить противовесом целому потоку, как он считал, идеализированных и ложных описаний советских реалий, вышедших из-под пера представителей рабочего движения. Еще в 1919 году, сразу после выхода в свет, Брок отрецензировал первые два отчета членов Норвежской рабочей партии о поездках в Советскую Россию. В сентябре 1919 года он резко раскритиковал брошюры Эмиля Станга Sovjet-Rusland («Советская Россия») и Микаэля Пунтервольда I Lenins land («В стране Ленина») на страницах Aftenposten.[27] Брок характеризовал эти работы как «пустопорожние попытки защитить [...] русский большевизм», не способные произвести никакого впечатления на политически зрелого читателя. Их авторы, отмечал он, – представители возникшего в Норвегии экстремистского социализма, а сами брошюры следует рассматривать не как объективное описание ситуации в Советской России, а как элемент норвежских внутриполитических споров: «Мы слишком долго терпели, позволяя норвежским «большевикам» распространять свои доводы в защиту нынешних русских властей. Эти доводы основаны на слухах и спорных утверждениях [...] Сейчас всем уже должно быть ясно, что

[27] В газетах печатались также записки о Советской России других авторов, например Олафа Шефло в Social-Demokraten 30.08.1920; 31.08.1921 и Адама Эгеде-Ниссена в рабочей прессе: см. Egede-Nissen, A., Hos Lenin for tyve ar siden. Brever fra Petrograd januar 1918, Internasjonalt Arbeiderforlag, Oslo 1937.

русские большевики рядятся в тогу социалистических теорий и одновременно проводят политику, на деле абсолютно противоречащую этим теориям; в Советской России – самый несвободный, неравноправный и жестокий авторитарный режим из всех, с которыми сталкивался мир в последнее время».[28]

Четыре года спустя Брок мог констатировать: в литературе о Советской России по-прежнему преобладали сочинения норвежских социалистов, сочувствовавших большевикам. Созданный ими образ необходимо скорректировать.

Реакция на «Диктатуру пролетариата»

Первым на книгу Брока о Советской России отреагировал его близкий друг и политический союзник Константин Гулькевич. В сентябре 1923 года он написал Броку, что прочел рукопись и обсудил ее с их общим знакомым – экономистом А. А. Чупровым. В этом письме и последующей переписке Гулькевич отзывается о труде Брока с большим энтузиазмом: «Не знаю книги, которая давала бы такую потрясающую картину того, что происходит в России. Хотя всюду чувствуется, что Вы писали кровью Вашего сердца, все же ни минуты спокойный, желающий быть всегда справедливым тон не покидает Вас». И пусть даже рассказ Брока все-

[28] Aftenposten 25.09.1919, nr. 46.

ляет уныние – столько в нем свидетельств лжи, коррупции и злоупотреблений власти – Гулькевич находит утешение в том, что автор подметил признаки ослабления существующего режима: «Только Вы Вашею любовью [к России] могли разобраться в этом!»[29] Кроме того, Гулькевич и Чупров настоятельно рекомендовали Броку не раскрывать имена тех, с кем он беседовал в Москве и Петрограде: это могло бы подвергнуть их большой опасности.

Сразу после публикации книги Брока она превратилась в «яблоко раздора» между норвежской буржуазной и рабочей прессой. Первые рецензии на книгу появились в консервативной прессе в середине ноября 1923 года: их авторы обильно цитировали «Диктатуру пролетариата» и высоко оценивали глубокие знания автора о российском обществе и культуре, его объективный, научный подход к теме. Aftenposten перепечатала целые параграфы из книги с пояснительными комментариями самого Брока. Газета Nationen сделала акцент на выводе Брока о том, что власть большевиков все еще непрочна, а значит «битва за Россию» пока не проиграна. Более того, подчеркивала Nationen, эта книга принесет особую пользу в Норвегии, где восхваление Рабочей партией большевизма встречает широкую поддержку в обществе. Норвежские читатели – как социалисты, так и все остальные – заслуживают правдивой информации о «чуде-

---

[29] Гулькевич – Броку 20.09.1923; 30.11.1923, в кн. К.Н. Гулькевич. Письма,264–268.

сах, которые нам предлагают [большевики]», иронически резюмировала газета.[30] Главный орган Рабочей партии – газета Arbeiderbladet – напечатала короткую и резко критическую рецензию на книгу, написанную коллегой Брока, профессором истории, социалистом Эдвардом Буллем. Книга показывает, полагал Булль, что у автора сложилось крайне искаженное представление о современной ситуации в России, а его понимание российских реалий очевидно не выходит за пределы славянской филологии. Утверждения Брока – сплошное морализаторство и инсинуации, отмечал рецензент, и в них не содержится ничего, кроме его собственной убежденности, что советский строй никуда не годится и достоин всяческого порицания. В декабре за рецензией Булля последовали дальнейшие нападки на книгу и ее автора в рабочей прессе.[31]

Хотя книга Брока была посвящена Советской России, «битва рецензий» вскоре переросла в спор о внутриполитических проблемах Норвегии: консерваторы и либералы критиковали социалистов за поддержку большевиков – «этих

---

[30] Aftenposten 21.11.1923, nr. 676; Nationen 22.11.1923, nr. 272. См. также Morgenposten 28.11.1923. Годом ранее Эдвард Булль опубликовал двухтомный труд о русской революции – основательное историческое исследование, написанное с научных позиций, без пропагандистских обертонов. См. Bull, E., Den russiske arbeider- og bonderevolution, Det norske Arbeiderpartis forlag, Kristiania 1922.

[31] Arbeiderbladet 23.11.1923; Arbeiderbladet27.12.1923; Norges kommunistblad 27.12.1923.

мошенников под коммунистическим государственным флагом».[32] Bergens Tidende в двух номерах напечатала статью, где утверждалась, что при новой власти «русская угроза» Норвегии сохраняется, пусть и в новом обличье. Газета предостерегала читателей: наивное восприятие большевистской пропаганды заманит Норвегию в ловушку, и страна окажется в сфере влияния гигантского восточного соседа.[33] В рецензиях рабочей прессы отразился и раскол в Норвежской рабочей партии, произошедший в начале 1920-х. Так, газета Den nye Social-Demokraten – орган правых социал-демократов, отколовшихся от Рабочей партии в 1921 году, утверждала: большевики исказили марксизм настолько, что по сути «распяли Маркса на кресте вниз головой». Автор статьи соглашался с мнением Брока о том, что рано или поздно власть большевиков закончится: в истории России они представляют собой лишь интерлюдию.[34]

В конечном итоге «Диктатура пролетариата» стала самым известным для широкой публики из всех трудов Брока.[35] Это было обусловлено несколькими причинами: свою, роль, вероятно, сыграл интригующий заголовок, полемический тон книги и умение автора излагать сложные вопросы четко и

---

[32] Morgenbladet 24.11.1923, nr. 366.

[33] Bergens Tidende 08.-09.02.1924.

[34] Den nye Social-Demokraten 24.11.1923.

[35] Egeberg, E., «Forskerprofil Olaf Broch», Arbok for Det Norske Videnskaps-Akademi 2003, Novus forlag, Oslo 2004: 230.

сжато. Несомненно, имела значение и репутация Брока в качестве признанного «знатока» России. Более того, издательство Aschehoug воспользовалось разгоревшейся полемикой в прессе и сформулировало для рекламы книги краткое, но убедительное обращение: «Из всех книг этого года, которые мы от всей души готовы рекомендовать каждому читателю, эта занимает первое место. Ее экземпляр должна иметь каждая публичная библиотека, каждый читательский кружок – чтобы книга дошла до максимально широкой аудитории».[36]

Большое внимание к книге было связано и с моментом ее публикации. В 1923 году в советско-норвежских отношениях имелось несколько нерешенных трудных вопросов. Кристиания еще не признала большевистское правительство де-юре, но с 1922 года в Москве действовало норвежское торговое представительство и две страны вели переговоры о торговом соглашении. В феврале 1924 года было объявлено о признании советского правительства; СССР в свою очередь признал суверенитет Норвегии над Шпицбергеном – тем самым был решен еще один спорный вопрос двусторонних отношений. Решающую роль в переговорах о признании сыграла Александра Коллонтай – глава торгпредства СССР в Кристиании.[37] В 1922 году в норвежской прессе разгорелись

---

[36] См. Aftenposten 27.11.1923, nr. 688.

[37] Celius, G., «Norwegian-Soviet Relations, 1920–1924: negotiations on the Spitsbergen», в кн. Myklebost, K.A. and S. Bones (eds.), Caution & Compliance. Norwegian-Russian Relations 1814–2014, Orkana Akademisk 2012: 137–148; Egge, A, S.G. Holtsmark, A.A. Komarov, Aleksandra M. Kollontaj. Diplomatiske

острые дебаты о правомерности торговли с большевистскими властями, а в 1923-м предметом споров стал еще и вопрос об официальном признании советского правительства. По вопросу о признании мнения в норвежском обществе разделились, но к концу года даже часть консервативной прессы пришла к выводу, что Норвегия не может поддерживать статус-кво: торговать с Советской Россией и отказываться признавать ее де-юре. В начале октября 1923 года Видкун Квислинг – бывший военный атташе норвежской миссии в России и помощник Нансена в организации помощи голодающим Поволжья – опубликовал в Tidens Tegn статью, где утверждал, что для Норвегии пришло время протянуть руку Советской России, признав ее официально. Цитаты из статьи тут же разошлись по другим изданиям: в комментариях подчеркивалось, что Квислинг знает ситуацию в СССР не понаслышке. Газета Dagbladet заявила: в конечном итоге отказываться пожать руку торговому партнеру просто невежливо. Более того, официальное признание советского правительства несомненно обернется позитивными последствиями в двусторонних отношениях, – как экономических, так и политических – а включение России в европейскую сферу принесет непредвиденные блага русскому народу.[38]

«Диктатура пролетариата» Брока быстро превратилась в неотъемлемый компонент общей дискуссии по «русскому

---

nedtegnelser 1922–1930. Res Publica 2015: 22–62.

[38] Tidens Tegn 02.10.1923; Dagbladet 02.10.1923.

вопросу», а переговоры о признании де-юре подогревали читательский интерес к книге. В феврале 1924 года, всего за неделю до подписания двустороннего соглашения между Норвегией и СССР, в Bergens Tidende была напечатана статья с анализом книги Брока. В ней также утверждалось, что содействие «благополучному развитию России» отвечает собственным интересам Норвегии как ее малого соседа: ведь коллапс российской экономики создаст для Норвегии угрозу.[39]

Интерес к книге подогревали и действия самого Брока. В конце мая и июне 1924 года спор в прессе вокруг «Диктатуры пролетариата» вспыхнул с новой силой. Причиной послужило решение Брока разослать сокращенное «народное» издание книги в норвежские школьные библиотеки. В рабочей прессе разразилась буря негодования: она расценила эту инициативу как акт политической агитации, направленной не только против большевистской России, но и против Норвежской рабочей партии и ее многолетних усилий по улучшению положения учителей и учеников из рабочих семей в норвежских школах. Самого Олафа Брока обвинили в стремлении нажиться на книге, а Arbeiderbladet в угрожающем тоне отметила, что его действия легко могут создать прецедент. Автор статьи задавал риторический вопрос: «Может быть нам стоит раздать школьным учителям […] наи-

[39] Bergens Tidende 08.02.1924

более выдающиеся труды Ленина и Троцкого?».[40] Рабочая пресса возложила ответственность за рассылку книги на коалиционное либерально-консервативное правительство страны, а также опубликовала интервью-«допросы» с министром по делам церкви Карлом Санне и заместителем министра иностранных дел Августом Эсмарком. Поскольку Эсмарк заявил, что норвежский МИД считает нетактичной в дипломатическом плане «агитацию в школах против дружественного государства», он подвергся резкой критике еще и со стороны консервативной прессы.[41]

Через неделю газета Tidens Tegn потребовала немедленной отставки Эсмарка.[42] Arbeiderbladet, в свою очередь, указала: Эсмарк сделал свое заявление от имени Министерства иностранных дел, а значит если кому-то и уходить в отставку, то самому министру. Тем не менее, продолжала газета, после официального признания Норвегией большевистского правительства Советская Россия вошла в круг государств, к которым следует относиться столь же тактично, как и к любой великой европейской державе, и чем скорее консервативная пресса к этому привыкнет, тем лучше.[43] За критикой книги Брока в рабочей прессе стояла Александра Коллонтай,

---

[40] 1ste Mai 30.05.1924; Arbeiderbladet 03.06.1924.

[41] Aftenposten 03.06.1924, nr. 314; Aftenposten 05.06.1924, nr. 320, см. также Morgenbladet 03.06.1924, nr. 170.

[42] Tidens Tegn 06.06.1924; см. также Bergens Tidende 06.06.1924.

[43] Arbeiderbladet 07.06.1924.

назначенная после признания СССР советским полпредом в Норвегии. После того как Эсмарк публично денонсировал собственные заявления, споры вокруг «Диктатуры пролетариата» утихли. В конечном итоге книга была без лишнего шума изъята из школьных библиотек.[44]

«Россия и мир» – взгляд Нансена на Советскую Россию

В истории восприятия норвежской общественностью «Диктатуры пролетариата» есть еще один эпизод – недолгий, но острый спор из-за образа Советской России, представленного в книге Брока и книге Фритьофа Нансена «Россия и мир», также вышедшей в 1923 году. На первый взгляд в двух книгах содержатся диаметрально противоположные оценки Советской России: если Брок рисует пессимистическую картину коррупции, произвола и бесчеловечности, то Нансен говорит о гигантских возможностях, которые дает Европе Россия с ее сырьевыми ресурсами и огромной территорией. В своей книге Нансен сосредоточивает внимание на экономической ситуации в Советской России и подчеркивает позитивные результаты либерализации народного хозяйства в рамках Новой экономической политики (НЭП), уже проявившиеся к весне 1923 года. По его мнению, переход

---

[44] См. Egge et.al., Diplomatiske nedtegnelser,341.

к прагматической политике НЭП дает надежду на стабилизацию советской экономики, а значит и нормализацию отношений между Советской Россией и остальной Европой. В предисловии к книге Нансен говорит о великом духовном потенциале России и не без пафоса заявляет: «Будущее Европы и ее культуры может вызывать сомнения, но нет никаких сомнений в том, что русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу».[45] В целом «Россия и мир» содержит однозначно оптимистичную оценку перспектив великой страны и ее нового большевистского строя, но без доктринальной апологетики социализма, характерной для «пролетарской» литературы.

[45] Nansen, F., Rusland og freden, J. Dybwads forlag, Kristiania 1923: IX.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.